

Жирновский Мирон Маркович

Родился 17 декабря 1903 года

Скобарев Юлиан Наумович

Родился 20 июля 1925 года

Я, Скобарев Владимир Юлианович, родился в 1952 году и принадлежу к послевоенному поколению. О войне мы знаем в основном по книгам и фильмам. В годы нашего раннего детства время войны было так близко, а ее участники были так молоды, что в обычной жизни практически не затрагивали эту тему. И только с годами, по мере отдаления от страшного времени, становилось все яснее и яснее, какое великое дело было ими сделано.

ШАЛЬНОЙ ОСКОЛОК

МОЯ СЕМЬЯ: ВОЙНА, ДО И ПОСЛЕ

Война трагически отразилась на жизни большинства семей огромным числом потерь. История моей семьи является одним из многих примеров борьбы за свою жизнь, жизнь своих близких и в конечном итоге за жизнь страны. В ней тесно переплелись потери и надежды, настоящее и будущее.

Мой рассказ основан на письмах деда-фронтовика, которые он писал своей жене – моей бабушке – и детям, находившимся вместе с ней в эвакуации; скупых рассказах фронтовика-отца; воспоминаниях матери; письмах однополчан деда, сохранивших память о нем.

Мой дед, Мирон Маркович Жирновский (17.12.1903 г. р.), и моя бабушка, Ольга Александровна Лохмачева (29.05.1904 г. р.), приехали в столицу из города Орла в конце 1920-х годов. Первоначально они жили недалеко от Москвы, в городе Пушкино, а затем переселились в коммунальную квартиру в районе Зубовской площади. В 1930 году у них родилась дочь Нина. Соседи в коммунальной квартире жили дружно. К одной из соседок, Лидии Сергеевне Скобаревой, время от времени приезжал в гости племянник – Юлик Скобарев, семья которого жила в Подмоскowie, у железнодорожной станции Перловская. Как мне рассказывали, Юлик, который был старше Нины на пять лет, частенько гонял ее по коридорам коммуналки.

В связи со сносом дома коммунальная квартира подлежала расселению. Жильцам была предложена денежная компенсация, и соседи решили совместно построить собственный дом на участке земли, расположенном в нескольких сотнях метров от границы Москвы тех лет (теперь район Перово). В 1937 году в новом доме, вокруг которого затем были посажены сад и огород, поселились три семьи — Жирновские, Скобаревы и Глушковы, которым была продана часть дома, так как денег не хватало. В 1937 и 1939 годах в семье Жирновских родились сыновья Лев и Игорь. В этом доме провели первые годы жизни я и моя младшая сестра Ирина. Мой дед работал в то время в системе торговли, бабушка вела хозяйство и воспитывала детей. В семье был неплохой по тем временам достаток, который даже позволял нанять детям няню. И это счастье мирной жизни обычных советских людей было разрушено войной...

Летом 1941 года бабушка с тремя детьми была вынуждена эвакуироваться в глубокий тыл – в село Шиловку, в 3 км от г. Наровчата Пензенской области, дед остался работать в Москве. Семья поселилась в доме няни, которая была родом из этого села. Как рассказывает моя мать Нина Мироновна, спали они вчетвером на одной кровати. В школу, в город, приходилось каждый день ходить пешком. За хворостом для обогрева дома – в лес за 12 км. В августе 1941 года бабушка, оставив малышей на попечение няни и старшей десятилетней дочери, ненадолго приехала в Москву по какой-то необходимости. Это была их последняя встреча с дедом. Далее только переписка. Письма деда родным являются основным источником информации о нем и его жизни в военные годы. Из них можно узнать многое и о жизни его жены и детей в эвакуации, почерпнуть сведения о родственниках и друзьях семьи, которых жизнь разбросала по разным регионам страны. Дед вел с ними интенсивную переписку, был в определенной степени связующим звеном для всей большой семьи.

«Переписку веду обширную, зато получаю чаще всех письма. Приятное дело. ...Мне все завидуют».

В семье сохранилось несколько десятков его писем 1941–1943 годов. Эти письма были систематизированы, перепечатаны на пишущей машинке и сброшюрованы к 80-летию деда в 1983 году его сыном Львом. Экземпляр этой «Книги писем» есть у каждой ветви большой семьи.

Первое из имеющихся в моем распоряжении писем деда из Москвы датировано 30 августа 1941 года и адресовано детям. Заботой о детях проникнуты практически все его письма.

«Дорогая Нинуся! Ты моя старшая дочь, и я с тобой всегда разговаривал, как со взрослой. Я жду от тебя вот чего: 1) помогать маме во всем, 2) учиться хорошо, быть вежливой, культурной, не груби... помни о том, что за вас, детей, в эту войну погибли сотни тысяч отцов, братьев. Если ты это поймешь, то для тебя труд не будет никогда тяжелым и ты будешь всегда сознательно подходить к людям».

«Дорогая дочка! В предыдущем письме я тебе писал и поздравлял с отличной учебой. Но, Нинуся, глядя на твое письмо, я должен сделать тебе замечание. Твой почерк не улучшился, а ухудшился. Это нехорошо. Обращай больше внимания на правописание и вырабатывай хороший почерк».

«Дорогая Нинуся! В школу ходить надо, родная моя, помогай маме, ведь ты самая старшая в семье. Тебе, детка, нелегко, я знаю, но нам на фронте тоже не так уж сладко, а все мы терпим, потому что надо победить фашистов для того, чтобы больше не было таких войн и чтобы дети жили бы и учились на своих родных местах спокойно. Чтобы их не убивали. За это, Нинуся, борется и за это страдает сейчас Советский народ. Так что, если временами бывает тебе тяжело, тогда ты подумай о тех, кто погиб от рук немцев, о тех, кто остался под их властью, о тех, кто дерется за вас на фронтах, и тебе будет уже не так тяжело, как думалось. Кончится война, и мы, родная дочурка, будем опять вместе».

Большинство писем деда отличается присущим ему оптимизмом и чувством юмора, так он старался поддержать своих близких.

«Олюся, я письмо пишу на работе. Прерывал его раз десять, все отрывают. Поэтому я заканчиваю его. Я здоров, бодр и жизнерадостен, я живу надеждой, что мы еще увидимся и что наша жизнь не будет разбита. Будь здорова, не падай духом, ты у меня ведь молодец... почему-то я глубоко уверен, что я с тобой еще увижусь и мы еще будем жить нашей хорошей счастливой жизнью, так же дружно и крепко, как и раньше, дорогая моя».

«Дорогие мои Нина, Лева и Игорь Миронович! Поздравляю вас с Новым годом и елкой. Постарайтесь сделать хорошую елку, повесьте побольше конфет, игрушек, можно немного мандаринов, если они у вас там растут. Не унывайте, детки. Кончится война, тогда мы сделаем такую елку, какую свет еще не видал. Слушайтесь маму, не деритесь друг с другом, а то я вам выплю. Целую вас крепко, ваш папа».

«Детки, родные, не сердитесь, я люблю вас крепко и жду не дождусь, когда я вас увижу. Опять будем делать гимнастику и маршировать по комнате, опять будете на диване кататься на мне, а если будете уж очень расходиться, то, пожалуй, получите и шлепку... Крепко целую. Папа».

«Олюся! Обо мне не беспокойся!.. Я здоров, бодр и за девчонками ухаживаю не в большей мере, чем при тебе, и, когда я читал твое подначивание, мне стало так же весело, как тогда, когда бывало вы с Лидией Сер. в кухне так же подначивали меня, а я, бывало, смеюсь».

Читая эти письма, понимаешь, в какой мере любовь и надежда помогали жить и сражаться в эти тяжелые годы.

«Моя любимая женушка! Я не теряю надежды на нашу дальнейшую счастливую жизнь. Я не верю, чтобы я вас не увидел. Этого не может быть. Правда, дорогая! Мы еще увидимся, и я тебя еще не раз поцелую».

«Олюся! Разве ты сомневалась в моей к тебе любви и преданности? Ты ведь знаешь... дороже и лучше, и вернее, чем ты, у меня никого нет. Правда. Возможно, что за 15 лет нашей жизни моя любовь к тебе не так выражалась, как в первые годы, но это не значит, что она ослабла. А сейчас, когда мы в такой тяжелой разлуке... моя любовь снова разгорелась к тебе. Надежда на то, что я снова увижу тебя, моих дорогих ребят, придает мне бодрость, стойкость. Итак, женулька, о любви договорились. Теперь о прозе...»

Забота «о прозе» – условиях жизни своей семьи – проходит через все письма. Находясь далеко от близких, в том числе и в действующей армии, он делал все возможное, чтобы помочь им выжить в тяжелых условиях эвакуации. Он отправлял им все деньги, которые у него были. Пока он работал в Москве, это были довольно существенные суммы. Находясь на фронте, он очень переживал, что его армейское довольствие (150 рублей в месяц) не могло обеспечить семье нормального существования.

«Наконец-то ты начала делать запасы. Картошка у вас очень дешевая. Покупай больше. Купи мешков 40. Было бы куда свалить и хранить ее. Муки также купи пуда 10. Дешевле ничего не будет, подешеветь могут только деньги».

«Я тебе отправил письмо со своей карточкой и сделал по телеграфу перевод на 1000 руб. В ближайшие дни пошлю еще столько же... Деньги у меня с продажи вещей».

«Полина приедет и расскажет тебе о жизни в Москве. Мой совет – сидеть на месте. Здесь никого не прописывают и жизнь очень дорогая. Картошка на рынке 20 р. кило, лук 35 р. и т. д., а по карточкам дают очень мало. Как у вас ни плохо, вы все-таки встаете и кушаете спокойно, не думая об очередях. Послал тебе 5/1 перевод на 600 р. и 17/1 800 р.».

«На днях вышлю тебе справку из части для получения пособия. Должно быть, будешь получать 150 руб. Я уже получил жалование на новом месте. Оклад 150 руб. Прилично. Думаю, что сумею урывать вам из этого что-нибудь».

41-й год. Прифронтовая Москва. Как жили и работали в ней рядовые москвичи? Представление об этом тоже можно получить из писем деда, который в это время работал заведующим отделом, а затем заместителем директора продовольственного магазина, который находился всего в 10 минутах ходьбы от дома.

«С 16-го по 20-е (октября. – В. С.) были моменты, когда я думал, что уже конец и было бы обидно умереть не от вражеской пули, а от рук сумасшедшей толпы. Несмотря на панику, я был все время на посту и хорошо сделал, потому что тех негодяев, которые удрали и этим сеяли смятение, ждет суровое наказание. Я думаю, что радио и газеты вам сообщат обо всем. После постановления Сталина о порядке стало хорошо. Негодный элемент присмирел. Олюся! У меня положение такое. Если я получу повестку в Армию, иду воевать. Пока я работаю, если же не дай бог придется оставить Москву и я к тому времени не буду взят в Армию, то отступлю со всеми, и что будет дальше, я не загадываю. Моя жизнь проходит на работе, дома бываю раз в 3–4 дня. Живу в детской комнате. Пока не холодно, топил 2 раза».

«Жизнь в Москве (декабрь. – Прим. В.С.), несмотря на большую близость фронта, проходит спокойно. Даже удивительно. С продовольствием туговато, большие очереди, на рынках цены бешеные. Я лично плохо бедно сыт, так что жаловаться грех».

«Дома бываю сейчас через день. Так как керосина ввиду наличия на кухне плиты нам не полагается, то я достал электроплиточку. Прихожу домой вечером: температура 0, затапливаю печку, включаю плитку – и на глазах теплеет, утром встаю – 13 тепла, так что я потягиваюсь в постели, как в старое доброе время».

«В Москве готовятся к елке. На улицах елки, как и раньше, нарасхват. Все так рады доставить детям хоть какую-нибудь радость».

В начале 1942 года для деда, которому в то время было уже 38 лет, встал вопрос о призыве на фронт. В конце января он был в звании сержанта направлен на службу в сформировавшийся гвардейский дивизион легендарных «катыш». Некоторое время часть находилась в Москве, и дед имел возможность забежать домой и на работу.

«Дело в том, дорогая, что мне придется идти служить. Из нашего торгового забрали человек 12 с бронями и меня в том числе. Собственно 17/1 я уже с мешком за плечами пошел в военкомат, простился со всеми, но на пункте начальник внимательно отнесся ко мне и послал на комиссию на 19/1, и я пошел с мешком обратно домой. 19/1 был на комиссии, признали годным к строевой. Но мне везет во времени. Дал увольнительную записку до 22/1. Завтра пойду, и мне скажут, прийти ли сейчас с вещами или дадут возможность переночевать еще одну ночь дома...»

«Теперь (3 февраля 1942 года. – Прим. В.С.) я сообщаю вам, что я попал в артиллерийскую гвардейскую часть. Можете гордиться своим папой, что он удостоен звания гвардейца. Я работаю в батарее по своей должности, писарем. Обмундировали нас вчера. Одеты тепло, валенки, ватные брюки, теплое белье. Сколько будем на месте, зависит от обстоятельств на фронте, во всяком случае, народ у нас молодой, который нужно учить. И, возможно, февраль будем здесь, а там видно будет. Во всяком случае, по роду нашего оружия, мне не придется быть на передовой линии, а немного сзади».

Первое письмо с фронта датировано 16 марта 1942 года:

«Вот я уже и на фронте. Прошло всего 8 дней со дня отъезда из Москвы. Отъезд был внезапный и неожиданный. В день отъезда я как раз ездил за газетами в Нинуськину школу, заходил в магазин и не думал, что больше не увижу их».

Как видно из этого письма, отъезд из Москвы состоялся 8 марта 1942 года. Останавливаюсь на этом так детально, потому что в этот день произошло событие, которому дед, по-видимому, не придавал большого значения. Но по прошествии многих лет стало ясно, насколько символичным оно оказалось для всей нашей семьи. Дед пишет, что имел возможность заскочить в родные места и, судя по всему, заходил домой. Там он встретил племянника соседки – Юлика Скобарева, которому к тому времени было уже 16 лет. Как потом рассказывал нам Юлиан Наумович Скобарев (в будущем мой отец), он, узнав об отправке деда на фронт, проводил его до вокзала и, таким образом, был последним из родственников и близких знакомых, который видел деда живым!

В письмах с фронта дед рассказывал о своей армейской жизни, пытался по возможности успокоить жену, делился впечатлениями об увиденном. По письмам также можно проследить его фронтовую географию (сначала Калининская и Смоленская области, затем (в 1943 году) Дон, Воронежская и Курская области, Белгород, Харьков).

«Мы на линии фронта. Ты не должна понимать буквально, что если я на фронте, так я обязательно должен видеть и бить немцев в рукопашной. Мы от фронта км 8–10, и ближе особенно не будет, за исключением тех случаев, когда это бывает нужно. Поскольку наша часть не пехотная, то пешком ходить не приходится. Это уже плюс. В общем, пока не страшно и не так уже опасно. Главный наш враг – это авиация».

«За меня, Олюся, не так уж беспокойся. Я служу в такой части, которая большей частью бьет немцев, не имея никаких потерь. Но война есть война, и всякие случайности могут быть, и никто не гарантирован от случая. Отношение ко мне и в батарее, и в штабе, куда меня перевели, хорошее, как, впрочем, оно бывало всегда и всюду. Живем все время в походном порядке, т. е. в автомашине. Тепло, даже жарко, потому что стоит печка железная. Порой бывает до того жарко, что выходишь спать на воздух. Дров, конечно, сколько угодно, так как всегда в лесу. Питание сносное. Голодным не бываю».

«Нас здесь коммуна в 6 человек, по званию я самый младший, а по годам самый старший. Сдружились мы очень крепко, и меня уважают и ценят. Хозяином, так сказать, являюсь я, все-таки я «гастроном». Работаем и днем, и вечером, лежим все вместе рядом на общих нарах, часто поем».

«Стоим, отдыхаем в глухом лесу, комаров бездна, но живем культурно, в моей избушке есть электрический свет. Опишу тебе наше жилье. Саперы построили для штаба домик в 6 метров,

посредине стол, по бокам 2 койки, на одной спит нач. штаба, на другой я с моим начальником. Здесь и работаем, и спим».

«Нинусенька!.. Смотри, дорогая, за братишками, следите за собой, будьте опрятны, чистоплотны... есть ли у вас чем чистить зубы? Я страдаю, уже 2 месяца не чистил, нечем, не опускайтесь и не превращайтесь в грязнуль. Я навидался, как взрослые люди опускаются и не моются по неделям, а если моются, то только по приказу. Я стараюсь держаться, пока это можно, почище».

«Мы переехали на новое место, били немцев каждый день, но положение все же напряженное. А вообще, новое место хорошее, на берегу реки около деревушки, в первый раз видели людей. Удалось попить молочка несколько раз, купался несколько раз, пока еще ничего, лишь бы не беспокоила авиация».

«Мы неделю последнюю повоевали неплохо. Дали отпор, и пока опять спокойно. Я хоть рад, как и все, а то мы засиделись в одном и том же месте, а тут поехали, увидели свет, а адольфы нас. Было несколько неприятных моментов, когда казалось, что вот-вот душа отправится в путешествие в отдаленные края, но страха не было ни капли. Я даже сам себе понравился».

«Сейчас у меня передышка, и я спешу написать тебе пару слов. Время горячее, и писать много и долго некогда. 25-го (ноября 1942 года. – Прим. В.С.) утром, после 2-часового артиллерийского концерта, который по радио не передается, началось наступление по всему фронту. Наша часть принимала участие в прорыве обороны пр-ка. Наши залпы сделали большое дело, и пехота прославляет любимую «катюшу». Наступление идет, части наши занимают населенные пункты. Словом, подробности в газете. Ну могу добавить, что я вступил в партию. Меня долго уговаривали, я долго отказывался, ну а в разгаре боя я надумал и подал заявление, которое в перерыве между залпами было разобрано. Хвалиться не буду, но вряд ли кого-нибудь так быстро и легко приняли. Рекомендаций отбавляй. Так что можешь меня поздравить. Кругом все время грохот, канонада, но это несколько меня не трогает. Вот до чего докатился. Просился идти за трофеями, но не пускают, говоря, что мне надо еще пожить и что я незаменим».

В январе 1943 года их часть была переведена на другой фронт. Поезд проходил через Москву, но...

«Между прочим, из Москвы уехал только 4-го. Все время я был на путях около Москвы, от дома 20–30 минут. Воображаешь, как обидно мне было, и я был рад, когда уехал».

«Сейчас я на Дону. После густых дремучих Калининских лесов здесь другая природа. Голая степь, ни одного дерева. Жители встречают нас очень тепло и гостеприимно. Надеемся, что немцы найдут здесь свою долю. Сегодня захватили много пленных. Ты бы видела, Олюся, как одеты они. В пилотках, в летних шинелях, ботиночках, это при морозе, который пробирает нас, одетых в валенки, шубу, теплые шапки. Идут партиями, посиневшие от холода».

«Со дня отъезда из Москвы мы непрерывно в движении, больше суток нигде не стоим и активно все время работаем. За нашу работу пехота нас очень хвалит. Участвовали во взятии Острогожска и др. пунктов. Сейчас уж в Курской области».

«Были в небольшом городке Короче, который мне очень понравился. Это не город, а сплошной фруктовый сад. Сейчас мы уже третий день в ожидании дальнейших распоряжений отдыхаем в Белгороде. Сажу в квартире, которая по обстановке напоминает мне родной дом в Москве. Чисто, уютно, вилки, тарелки. Но люди умирали от голода при немцах. Было несколько частных лавочек, в которых были бешеные цены, и что интересно, продавали и на советские деньги. Вообще, когда говоришь с жителями, которые были у врага, то слушаешь людей, которые будто бы приехали из Николаевской России. Сколько девушек, женщин, мужчин послано в Германию в рабство».

«Мы на Украине! Села, деревни меняются, не помнишь их названия, но прием везде одинаково хороший и радушный. Мы не получаем казенных продуктов, но живем хорошо (сытно). Иной раз прямо пичкают».

«Пишу тебе из Харькова, из дачного поселка. Попали опять в уютную семейную обстановку, и душа и тело отдыхают. Если бы ты видела, во что превратили немцы чудесный город. Жуткий вид. Если видишь целое здание, то удивляешься. Все взорвано, погорело, разбито».

«Вот уже неделю как мы стоим в тихой деревушке, не особенно далеко от фронта. Живем мирной жизнью (тыловой), занимаемся целыми днями, формируемся и ждем только технику, оружие, чтобы поехать снова воевать. Должен сказать, что мы больше привыкли к фронту, к боевым действиям, и мирное житье никому не нравится».

«Находимся уже на фронте, но пока у нас спокойно. Живем в избушке. Ввиду того, что меню стало скудное, бьем из автоматов щук и поджариваем их. Сегодня был богатый улов, убили карпа фунтов на 10».

Письма с фронта по-прежнему проникнуты заботой о здоровье близких. К сожалению, в семье тяжелые потери были не только на фронтах. В годы войны умерла мать Мирона Марковича. Но особенно он переживал потерю младшего сына, 3-летнего Игорька, который долго болел и умер в августе 42-го от тяжелой болезни – скарлатины, с которой не удалось справиться в условиях эвакуации.

«Мои дорогие, родные Оля, Нина и Левик! Одним именем стало меньше писать. Получил твое письмо с печальной вестью. Твое предыдущее письмо, где ты писала, что Игорек безнадежен, уже немного подготовило меня к этому несчастью. Но твое письмо меня перевернуло. Я ушел подальше в лес, читаю, слезы застилают глаза. Эта история с куском сахара, который ты едва достала умирающему сыну, меня в особенности потрясла, потому что мы ежедневно пьем чай с сахаром и даже кладем его в кашу. Говорил ли он что-нибудь перед смертью, вспоминал ли он меня в последние дни и часы? Родной сынок. Как обидно, что он не вышел на фотографии. У нас даже не осталось памяти о нем, чтобы поглядеть на его милые черты. Сейчас пишу и тоже плачу. Больно, Олюсинька, очень больно. Но ничего не сделаешь. Поплачем, родные, о дорогом нам Игоречке, и возьмемся дальше за дела. Потому что мы живы и должны жить. Дети для нас и родины, а мы, в особенности ты, для них. Перенесем, дорогие, стойко этот удар».

Последние письма деда, адресованные жене и детям, были написаны 4 мая 1943 года.

В приказе по 16-му гвардейскому минометному полку № 095 от 15 мая 1943 года значится:

«Убитого во время налета вражеской авиации 7.5.43 г. зав. делопроизводством 217 ОГМД гв. ст. сержанта Жирновского Мирона Марковича исключить из списков полка и всех видов довольствия с 7.5.43 г., похоронен в д. Хохлово, Саженского р-на Курской области».

В своем предисловии к собранной им «Книге писем» мой дядя Лев Миронович пишет: «В начале апреля 1983 года я приехал в Хохлово. Оказалось, что фамилии отца нет на обелиске в память воинов, похороненных в этом селе. Зашел в сельскую школу и познакомился с учителем – Иваном Антоновичем Почерниным, руководящим военно-патриотической работой. Побывал в военкомате. На основании представленного мною ответа из Центрального архива МО фамилия отца была внесена в списки похороненных в селе Хохлово, а уже через две недели я получил письмо от И. А. Почернина. В нем говорилось, что нашлись люди, которые хорошо помнят обстоятельства гибели весной 1943 года военнслужащего из Москвы, приметы которого совпадали с приметами отца. Сообщалось также, что принято решение сельсовета о занесении имени отца на обелиск».

В своих письмах домой дед неоднократно писал, что наибольшую опасность для военнослужащих их части представляла вражеская авиация, и не раз сообщал о своих погибших товарищах. К несчастью, и ему самому не удалось избежать такой же участи. О том, как это было, рассказал в своем письме Льву Мироновичу Шерстнев Николай Иванович – бывший командир 217-го отдельного гвардейского дивизиона: «...Все, что произошло с Вашим отцом, помню очень хорошо, тем более что все это произошло на моих глазах. А произошло вот что: в один очень теплый майский день (точно число не помню) я был в штабе дивизиона. Летал над нашим расположением немецкий разведчик (мы его звали «костыль»). В один из заходов он сбросил маленькую бомбу. Разорвалась она метрах в 50–70 от дома. Мы никто даже никак не среагировали на этот взрыв (все-таки далеко, да и разрыв слабый). Но одним из шальных осколков Ваш отец был убит наповал, он даже и звука не произнес. Мы все были страшно удивлены и огорчены. Он смотрел через окно в сад. Похоронили мы его почти на том месте, где взорвалась эта бомба (если ее можно назвать бомбой) в саду в д. Хохлово. В тот день ни одного выстрела на нашем участке не было, да и все-таки это от передовой было, наверное, километров 7–8».

В одном из своих писем дед писал, что в часть прибыли юнцы 1924–1925 года рождения. Именно к этому поколению мальчишек, ушедших на фронт, не окончив средней школы, принадлежал и мой отец – Юлиан Наумович Скобарев, родившийся 20 июля 1925 года.

Из послужного списка отца:

«Скобарев Ю. Н. начал свою трудовую деятельность в 1942 г. учеником токаря.

С 1943 по 1948 г. служил в рядах Советской армии, принимал участие в боевых действиях в качестве разведчика в артиллерийских войсках, имеет ранения. Награжден медалями «За взятие Берлина», «За победу в Великой Отечественной войне», орденом Отечественной войны II степени, многочисленными медалями в честь юбилеев Победы в Великой Отечественной войне, имеет благодарности Верховного Главнокомандующего за отличные боевые действия.

С 1948 по 1995 г. непрерывно работал на предприятии «Медтехника», в том числе на обслуживании таких ответственных объектов, как медицинские учреждения комендатуры Московского Кремля, Совета Министров РСФСР и др. За достижения в труде имеет многочисленные поощрения и награды. За заслуги в области здравоохранения награжден орденом Октябрьской Революции. Имеет медаль «Ветеран труда».

Несмотря на то что отец прожил долгую жизнь и всегда очень много внимания и заботы уделял нам, своим детям, о войне он рассказывал очень скупно. Поэтому информацию о его боевом пути я привожу на основе имеющихся документов. Призван в армию он был в январе 43-го в возрасте 17 лет. Сначала он был зачислен в 155-й запасной стрелковый полк, а с февраля 43-го года служил в разведке 1193-го артиллерийского полка, а затем (с сентября 44-го до мая 46-го) в разведке 18-й гаубичной артиллерийской бригады. То есть он, как и дед, служил в артиллерии. Воинское звание – гвардии ефрейтор, должность – старший разведчик. После войны, до февраля 48-го, служил в Германии в различных солдатских должностях.

Отец рассказывал, что вскоре после мобилизации в 1943 году он был отправлен на Дальний Восток, к границе с Китаем, оккупированным Японией. Жизнь была голодная, приходилось собирать ягоды и коренья. Там отец находился в течение длительного времени, а затем их часть направили на советско-германский фронт. Как мне кажется, куда-то в район города Новгорода. Это был очень тяжелый период для необстрелянных юнцов. Мой отец с большой теплотой говорил о своем боевом товарище, который был много старше его и по возрасту годился ему в отцы. Их часть в суровых зимних условиях была отрезана от источников продовольственного снабжения. Старшие товарищи делали все, чтобы помочь юнцам выжить. Прикрывали собой,

добывали мороженое мясо из лежавших на поле боя убитых лошадей, заставляли молодежь его есть.

Отец не любил вспоминать тяжелые моменты войны, но иногда рассказывал о любопытных эпизодах из фронтовой жизни в конце войны.

Их часть имела на вооружении тяжелые орудия – гаубицы большой мощности, которые могли стрелять по врагу с расстояния более 15 км. Орудия перевозили на механизированной тяге, а у разведчиков в распоряжении были трофейные велосипеды. Во время одной из остановок колонны на дороге в Германии отец взял велосипед и отлучился в ближайшую деревню разжиться продуктами. Когда через короткое время он вернулся на место стоянки, колонны на месте не было... Молодой разведчик давил на педали в течение нескольких часов, пока не догнал часть. Однако суровое наказание чуть было не последовало. К счастью, военного трибунала удалось избежать, но было отозвано представление его к государственной награде, и отец был отправлен под арест на гауптвахту.

Во время ареста отцу приходилось нести повинность по уборке в штабе части, который располагался в большом и богатом особняке (как говорил отец – в замке). Однажды в процессе уборки отец поднял лежавший на полу ковер и увидел лаз, о котором никто не знал. Спустившись, он обнаружил огромный подвал, заполненный спрятанными многочисленными ценностями, включая предметы мебели, искусства и др. Там же располагалась винотека с рядами покрытых пылью бутылок раритетного вина, подобного которому не доводилось до этого пробовать юному советскому солдату. Безусловно, за время ареста проба с этого вина отцом и его товарищами была снята не один раз, а арест был закончен сразу после того, как отец решил доложить о своей находке командирам. Дальнейшая судьба обнаруженных сокровищ отцу была неизвестна.

Одно из последних военных воспоминаний отца относится ко дням Победы – маю 1945 года. После взятия Берлина, где отец расписался на одной из колонн Рейхстага, их часть была поднята по тревоге и начала марш на Прагу, где в это время (5 мая) вспыхнуло восстание против оккупантов. Однако их марш был остановлен на полпути сообщением о капитуляции Германии.

Отец вернулся домой из Германии в 1948 году. В это время семья бабушки уже несколько лет жила в своем доме в Москве, куда они вернулись из эвакуации в 1943 году. Семье жилось тяжело. Бабушка работала секретарем в ближайшей школе, где учился сын Лева. Дочь-отличница Нина поступила в химико-технологический техникум и получала небольшую стипендию. Особенно трудно было поддерживать в нормальном состоянии частный дом, обветшавший за время войны. Помогали соседи, в том числе вернувшийся с фронта возмужавший Юлик.

Со временем между знакомыми с детства повзрослевшими Юлианом и Ниной возникла любовь. Они поженились в апреле 1951 года. До загса шли пешком. Главным угощением на скромной свадьбе был винегрет. Отец стал опорой для моей мамы, ее матери и брата. Мои родители прожили вместе более 60 лет, отметив бриллиантовую свадьбу в 2011 году.

Отец из-за войны не успел получить должного образования. Но он был очень талантливым человеком. По роду своей работы он освоил и умел наладить и отремонтировать сложнейшие виды медицинского оборудования. Первый телевизор, собранный его руками, появился в нашей семье в 50-х годах. Он был востребован как один из лучших специалистов в своей области до глубокой старости. Отец и мать делали все, чтобы обеспечить нам счастливое детство, дать образование, которое не смогли получить сами. Им это в полной мере удалось. И я, и моя сестра окончили вузы. Во время праздников дом моих родителей был полон гостей. Небольшая квартира была рада принять родственников из разных концов страны в любое время. Отец всегда был готов помочь и помогать близким и дальним родственникам, друзьям. При этом сам рассчитывал только на себя и свои силы. Даже в преклонном возрасте он по мере сил работал и обеспечивал себя и

мать, не прибегая к помощи детей. Он умер после тяжелой болезни в августе 2011 года в возрасте 86 лет. Мы проводили его в последний путь под звуки траурного марша и оружейный залп специально прибывшего подразделения военнослужащих комендатуры Московского гарнизона.

Вот уже более 3 лет 9 Мая и в день его рождения к могиле отца с установленным на ней памятником, на котором написано «Солдату-победителю», приходят его жена, дети, внуки, правнуки, члены их семей, другие родственники, которые и дальше будут хранить память о нем.